

ПРИЗНАЮСЬ, как ни остро врезались в память эпизоды и события, свидетелем и участником которых пришлось быть на Великой Отечественной, многое постепено забывается, сглаживается, либо обростает легендой, либо теряет свою первоначальную точность под воздействием дополнительных, позже подоспевших фактов и сведений.

Но есть в нашем обществе сила, вызывающая из — таких уже отдаленных временем — глубин и сохраняющая для истории малые и большие детали, помогающие восстановить подлинную картину нашей жизни на войне. Сила эта — самые юные большевики — пионеры. Быть может, игра в «красных следопытов» поначалу была только игрой для их беспокойного племени, но ныне по настоящему значительна роль их в разыскании подробностей и героических событий, и, если можно так выразиться, быта войны.

В переписке с пионерами мне не раз уже приходилось попадать в неловкое положение: после первого письма я отвечал на их вопросы, а во втором посла-

петликах композитор был все же явлением сугубо штатским. Более всего другого я запомнил, что Кабалева все время задерживали для выяснения личности. Не только часовые и дневальные, которым положено проверять, но даже проезжавшие мимо нас ездовые считали своим долгом если не арестовать, то задержать моего будущего соавтора. А соавтором он должен был стать обязательно, потому что ему предписывалось создать песни отличившихся дивизий со словами батальонного комиссара Долматовского.

Мы находились все время вместе — и по общности порученного нам дела, и потому, что композитору совершенно

ным организатором музыкальной жизни и сразу стал искать будущих исполнителей еще не сочиненных произведений. Один из партизанских начальников всевозрастающе расстроился в связи с бурной деятельностью композитора в красноармейской шинели. Он вызвал меня на конфиденциальный разговор и предупредил, что громкого пения не допустит, потому что фашисты вокруг и отряд может если не погибнуть, то серьезно пострадать, коль хлопцы грянут, а в том, что они грянут, была б только песня, можно не сомневаться.

Мне оставалось только заверить партизанского вожжа, что песня будет не для громкого исполнения. Тогда же родилось название будущего сочинения — «Песня шепотом».

В те дни меня познакомили с отважной партизанской разведчицей по имени Ольга. Мы долго беседовали с ней, и она запомнилась мне — очень спокойная, сдержанная, печальная. О ее боевых делах я узнал лишь от ее товарищей — сама она о прежних и вчерашнем бое говорила лишь в связи с отва-

Что грустишь ты, Оля-партизанка, Или Киев вспомнился тебе?

Не грусти, туда вернемся скоро, Отогреем сердце у Днепра, Отомстим врагу за кровь и горе, И настанет славная пора.

Ведь недаром «Мстителем» зовется Наш отряд, пристанище мое. Эта песня шепотом поется, Чтоб враги не слышали ее.

Получив письмо от пионеров с Белгородщины, я вспомнил, что все это было уже тогда, когда мы отступили с украинской земли. И я никак не мог ответить себе на вопрос, почему написал, что партизанка Оля вспоминает Киев. Ведь отряд был местный. Я еще мог вспоминать Киев, но почему приписал ей свои воспоминания?

Я обратился к пионерам с просьбой выяснить, не является ли упомянутая ими О. Ф. Соловьева, классная руководительница, той самой «Олей-партизанкой». Вот что ответила мне сама классная руководительница О. Ф. Соловьева:

«Наш отряд, а вместе с ним я, участвовал в бою с немцами в селе Старича. Из боя мы вышли только вечером. В бою я добыла себе трофейный карабин, несколько лент с патронами. Кто-то из связных отряда сказал, что меня вызывает батальонный комиссар. Я явилась по вызову, и этим комиссаром были Вы. Вы интересовались нашей партизанской жизнью, моей мирной профессией, когда узнали, что я учительница, сказали, что тоже закончили педтехникум. В заключение беседы Вы спросили, упоминать ли мое имя в Вашей песне. Я ответила отрицательно. А на второй день после Вашего отъезда из отряда наши ребята сообщили мне, что Вы написали песню об отряде, где упоминается мое имя. Вы спрашиваете, почему это имя связано с Киевом? Дело в том, что в Киеве на Крещатике жила моя старшая сестра. Я туда собиралась переехать на постоянное жительство, 21 июня получила разрешение районного отдела народного образования, а 22-го началась война. Вот я и оказалась в партизанском отряде».

«Песня шепотом» пелась в годы войны, а после победы ее сменили другие песни, которые можно петь полным голосом.

Но мне и Дмитрию Кабалева сегодня она стала как-то особенно дорога, потому что в день 25-летия Победы песню будут петь ученики отважной партизанки Оли.

НА СНИМКЕ: Д. Кабалева и Е. Долматовский на фронте. 1942 год.

ПЕСНЯ ШЕПОТОМ

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

необходим был офицер, который по несколько раз в день выручал бы его и спасал от всеобщей бдительности.

Находясь в Первой гвардейской дивизии генерала И. Руссиянова, мы узнали, что в результате зимних боевых действий фронт на этом участке представляет собой прерывистую линию. Стоит проскочить в одну из образовавшихся брешей, и мы попадем в партизанский отряд. Надо ли говорить, что мы немедленно воспользовались этой возможностью!

Партизаны, только что вышедшие из боя и занимавшие село с хорошим названием Первое Советское, оказали нам братский прием. То, что мы увидели и услышали в Первом Советском, так и просилось в песню, и мы с Кабалева твердо решили, что не уедем из отряда, пока не сочиним несколько песен о партизанах. В отряде Кабалева избавился от постоянных проверок. Его полуштатский сбик был вполне партизанским!

Кабалева и тогда был неугомон-

гой других партизан. Она нянчила в руках немецкий карабин — трофей последнего боя.

Песню мы сочиняли в не слишком подходящей для тайнства творчества обстановке: в хате сидело несколько партизан, один из них — с гармонью. Они сидели, дымили махоркой и ждали от нас вдохновения.

Я написал в своей полевой книжке первую строфу, передал ее Кабалева, он стал, напевая про себя, набрасывать ноты на клочке бумаги. Гармонист, внимательно следивший за нашей работой, заглянул композитору через плечо, попробовал исполнить мелодию. Это помогло мне сочинять дальше. Через несколько часов текст был готов — музыку партизаны уже запомнили. И действительно шепотом, согласно с названием, спели наше сочинение:

Окружили синие туманы
Наш лесок, походное жилье.
Запоете песню, партизаны,
Чтоб друзья услышали ее.

Пусть на небе звезды светят ярко,
Я гадать не стану о судьбе.

нии они добавляли к с трудом вспомненному мной столько точных фактов, найденных с дотошностью настоящих историков, что оставалось только корить себя за забывчивость.

Пионеры отряда имени Вл. Комарова (Краснохуторской сельсовет под Белгородом) обратились ко мне с просьбой: уточнить, какая песня была сочинена в 1942 году в партизанском отряде, которым командовал герой гражданской войны Проскурин и в котором воевали их отцы и деды. Вскользь они упомянули, что их нынешний классный руководитель О. Ф. Соловьева была в том партизанском отряде разведчицей.

Я отыскал в своем архиве изданную Музгизом сюиту «Народные мстители», которую мы с Дмитрием Кабалева сочинили в начале 1942 года. Сюита исполнялась впервые в Москве, в Колонном зале, в том же концерте, когда впервые в Москве прозвучала Седьмая симфония Шостаковича.

История создания сюиты такова. В 1942 году Главное политуправление командировало на Юго-Западный фронт композитора Дмитрия Кабалева. В длинной шинели без знаков различия на